

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8 Грибоедов А. С.

*А. В. Голубков,
Институт мировой литературы
имени А. М. Горького
Российской академии наук,
ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия*

МОЛЧАЛИН VS ЧАЦКИЙ: ФРАНЦУЗСКАЯ ГАЛАНТНАЯ ТРАДИЦИЯ И ЕЁ КРИТИКА В КОМЕДИИ «ГОРЕ ОТ УМА» А. С. ГРИБОЕДОВА

Аннотация: Вопрос об идеологическом и культурном основании противостояния Молчалина и Чацкого — двух главных героев комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» — оказывается в центре внимания исследователей с XIX в. Поведение московской аристократии, воплощением которой оказывается безродный Молчалин, основывается на стандартах, разработанных классической французской галантной культурой XVII–XVIII вв., отмеченной концептами «мягкости», «вежливости», «учтивости»; идеальное мужское поведение в Москве базируется на необходимости подчинения женщинам, которые предстают носительницами почти абсолютной власти. Чацкий, недавно вернувшийся из Европы, в своём поведении и в отношениях с женщинами, демонстрирует приверженность более поздней, характерной для культуры Просвещения, патриархальной концепции «естественного состояния» в духе Ж. Ж. Руссо, отвергающей женское доминирование как противоестественное отклонение от природных устоев. Столкновение Чацкого и Молчалина оказывается, таким образом, симптомом более глубокого противостояния моделей и систем ценностей внутри аристократической культуры.

Ключевые слова: А. С. Грибоедов, власть женщин, французская аристократическая культура, галантность, Просвещение.

Дата поступления статьи: 05.08.2016

Информация об авторе: Андрей Васильевич Голубков — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук. E-mail: andreygolubkov@mail.ru

Александр Андреевич Чацкий и Алексей Степанович Молчалин — два антагониста грибоедовской пьесы «Горе от ума» (1824); осмыслению своеобразия этих образов посвящена значительная критическая и исследовательская традиция. Как справедливо пишет современная исследовательница И. Л. Багратион-Мухранели, «Грибоедов создаёт Чацкого — проводника тех идей, которые циркулировали в обществе его времени» [1, с. 9], как нам думается, в не меньшей степени это высказывание может быть применимо и к Молчалину, жизненная позиция которого, выражающаяся в умеренности, аккуратности и лести («угождать всем людям без изъятия»), становилась предметом анализа уже в XIX в. (в творчестве Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. Г. Белинского и др.). Два героя, безусловно, оказываются носителями культурных ценностей и мировоззрений, сформированных своим временем.

© Голубков А. В., 2016

Напомним, что Чацкий — аристократ, сын Андрея Ильича Чацкого, покойного друга П. А. Фамусова. Молчалин «безроден», «уступчив, скромн, тих», он «числится по архивам», т. е. приписан к Московскому архиву старых бумаг; согласно комментарию И. Н. Медведевой, в соответствии с приказом от 1811 г., служащие этого архива могли заниматься делопроизводством у частных лиц, что и предоставило Молчалину право быть секретарём у Фамусова [2, с. 495]. Столкновение главных героев обнаруживает мировоззренческие противоречия: Чацкому «прислуживаться тошно», в то время как Молчалин в качестве своего экзистенциального принципа избирает именно добровольное подчинение «всем людям без изъятия» (и даже «собаке дворника»); весьма чуткий к веяниям московской жизни, он в курсе, что именно дамы могут помочь в продвижении по карьерной лестнице, о чём искренне (пытаясь помочь) сообщает и Чацкому:

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
С министрами про вашу связь,
Потом разрыв... <...>
Татьяна Юрьевна!!! Известная, притом
Чиновные и должностные
Все ей друзья и все родные;
К Татьяне Юрьевне хоть раз бы съездить вам. <...>
Как обходительна! добра! мила! проста!
Балы даёт нельзя богаче,
От рождества и до поста,
И летом праздники на даче.
Ну, право, что бы вам в Москве у нас служить?
И награжденья брать и весело пожить! [3, с. 53–54]

Вспомним, что в первоначальном варианте пьесы у Грибоедова вместо «Татьяны Юрьевны» фигурировала «Татьяна Дмитриевна», а образ её жизни и степень влияния на государственные дела показывались с ещё большим размахом (очевидно, данный пассаж из речи Молчалина был редуцирован из-за цензурных соображений):

Татьяна Дмитриевна!!! — её известен дом,
Живет по старине и рождена в боярстве,
Муж занимает пост из первых в государстве.
Любезен, лакомка до вкусных блюд и вин,
Притом отличный семьянин:
С женой в ладу, по службе ею дышит,
Она прикажет, он подпишет [4, с. 130].

Согласно исследованиям, прототипом «Дмитревны» была Прасковья Юрьевна Кологривова (Гагарина, урождённая Трубецкая, 1762–1848), прославившаяся тем, что её муж, по замечанию декабриста Д. И. Завалишина, «однажды спрошенный на бале одним высоким лицом, кто он такой, до того растерялся, что сказал, что он муж Прасковьи Юрьевны, полагая, вероятно, что это звание важнее всех его титулов» [4, с. 130].

Вспомним, что Ю. В. Тынянов писал о постоянном мотиве «женской власти» в пьесе Грибоедова: «Действующие лица комедии, обладающие влиянием на всю жизнь,

деятельность, обладающие властью, — женщины, умелые светские женщины. Порочный мир Александра, не уничтожившего рабства народа, одержавшего историческую победу в Отечественной войне 1812 г., — этот мир проводится в жизнь Софьей Павловной и Натальей Дмитриевной. И если Софья Павловна воспитывает для будущих дел Молчалина, то Наталья Дмитриевна, сделавшая друга Чацкого, Платона Михайловича Горича, своим «работником» на балах, преувеличенными, ложными заботами о его здоровье, уничтожает самую мысль о военной деятельности, когда она понадобится. Так готовятся новые кадры бюрократии» [5, с. 372–376]. Действительно, наряду с устраивающей мужские судьбы Татьяной Юрьевной, Софья Фамусова ведёт себя как наставница Молчалина; образ же Натальи Дмитриевны, вышедшей замуж за друга Чацкого — Платона Горича («московский житель и женат»), оказывается, вероятно, квинтэссенцией женской силы и пределом доминирования слабого пола над сильным. Сам Платон Михайлович признаётся, что он действительно «работник» своей супруги:

Наташа-матушка, дремлю на балах я,
До них смертельный неохотник,
А не противлюсь, твой работник,
Дежурю за полночь, подчас
Тебе в угодность, как ни грустно,
Пускаюсь по команде в пляс [3, с. 77].

Заметим, что Наталья Дмитриевна упрекает мужа: «Ты притворяешься, и очень неискусно»: Платон Горич, «год назад носившийся на борзом жеребце», после женитьбы ещё не способен как должно скрыть свои истинные эмоции. Софья Павловна, кстати, любит Молчалина как раз не за «маскулинный» характер, взрывной темперамент или «норов», но за покладистость, нейтральность и, скажем так, умение редуцировать свою природную мужскую индивидуальность, т. е. фактически за пассивность — качество, которое в традиционных культурах обыкновенно оказывается атрибутом корректного женского поведения:

В лице ни тени беспокойства,
И на душе проступков никаких;
Чужих и вкривь и вкось не рубит,
Вот я за что его люблю [3, с. 51].

Сам Чацкий в последней своей реплике презрительно смеётся над странной долей москвичей-мужчин, добровольно сдавшихся на волю женщин:

Подумайте, всегда вы можете его
Беречь, и пленять, и спосылать за делом.
Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей,
Высокий идеал московских всех мужей [3, с. 94].

Соглашаясь с Ю. В. Тыняновым по поводу пристального, даже гипертрофированного, внимания Грибоедова к теме женской власти, мы не можем всё же сойтись с ним в том, что женщины «воспитывают кадры бюрократии». Как думается, проблема здесь гораздо сложнее и глубже: героини пьесы, живущие в Москве, оказываются, очевидно сами того не ведая, своего рода «заложниками» определённых культурных уста-

новок, поведенческих стереотипов, которые Чацкому, живущему в Санкт-Петербурге и лишь недавно вернувшемуся из Европы, кажутся уже неприемлемыми девиациями.

Вспомним, что с середины XVII в. во Франции получили распространение салоны, в которых дамы обрели невиданную власть, мужчины же утратили воинский дух и в значительной степени феминизировались, дабы угодить тем, кто был центром именно неофициальной придворной (или же салонной) иерархии: процесс галантизации французского общества приводил к тому, что именно женщина оказывалась центром культурной жизни, «инстанцией смысла» и судьёй над мужчинами; такую ситуацию К. Лужи посчитала возможной даже назвать «женской гипергамией» («female hypergamу» [8, с. 10]). Женская «педагогическая» любовь и наставительное общение женщин с мужчинами оказываются довольно распространённым социальным явлением и литературным топосом. Так, известный каббалист Адриан Сиклер в предисловии к своему трактату «Королевская и новая хиромантия» (1666) писал о женском «алькове» (т. е. салоне) как о подлинном университете, где как раз и производится истинное обучение: «Госпожа маркиза де Сабле и госпожа маркиза де Рамбуйе при помощи очаровательных и наставительных бесед произвели много больше учёных, нежели [парижский] Университет» [6, без пагинации]. Франсуа д'Обиньяк после Фронды выступает с идеей создания «второй» официальной академии, куда могли бы быть приняты женщины, так описывая их место в салонах: «Сквозь обилие портиков, вестибюлей и богато декорированных кабинетов находим то место, которое почитается как реликварий или же, скорее, как алтарь, сооружённый на манер священных лежалищ языческих божеств, и на нем – Даму, под пристальными взглядами публики...» [7, с. 37]. Салонные практики ставили целью социализацию с помощью любви, и именно женщины в силу своих природных особенностей владели монополией на обучение «вежеству», мягкости и деликатности в ведении дискуссии, а также правилам хорошего тона, они фактически проводили политику превращения военной аристократии в придворную. Учебники по правилам галантного поведения стали активно распространяться с конца 1620-х гг., и 1630–1650 гг. мы можем назвать эпохой расцвета «вежества», которое пропагандировалось как в художественной литературе, так и в наставительной публицистике. Безусловно, одним из самых важных произведений такого рода стал трактат Никола Фаре «Человек чести, или Искусство нравиться при дворе», вышедший в 1630 г., в котором автор обратился к тем, кто хотел бы возвыситься в придворной иерархии: «Вся суть в правильном замысле, и, хотя дорога в ад сплошь вымощена благими намерениями, путь придворного, чьи устремления законны и умеренны, не сопряжён с тяготами, которые нельзя было бы перенести. Среди всех ослеплений души нет более опасного, чем то, что мешает видеть назначенную цель: именно от знания и мудрого выбора верной цели зависит осуществление и успех наших предприятий» [9, с. 54]. К числу первостепенных добродетелей человека чести (*honnête homme*) относился конформизм, нейтральность жеста и тона разговора, направленная на сохранение или повышение социального статуса собеседника, без претензий на доминирование над ним или его подавление. Представители такого социального типа выступали принципиально против любого проявления фанатизма; они ставили цель нравиться всем, не иметь врагов, постоянно вызывать симпатию с помощью лести: «Они приучили свои вкусы не отвергать то, что им неприятно. И поскольку им известно бесконечное разнообразие форм, которые способен принимать человеческий разум, нет таких нелепых или противных им мнений, которые бы их задевали; равно как нет и таких, которые казались бы им достаточно разумными, достойными того, чтобы ими увлечься и упрямо поддерживать» [9, с. 55].

Логика поведения Молчалина, безусловно, подчинена стратегии аристократической ролевой гибкости; он, как *honnête homme*, избирает определённую маску, которая в настоящий момент идеально подходит к ситуации; при этом основной целью существования оказывается карьерное преуспеяние, достижимое при помощи угодничества, лести, т. е. предельно конформного поведения. Представитель такого социального типа ни в коей мере не должен отстаивать свои идеи или же переубеждать собеседника, а, мерцая, отражать его взгляды. В этой связи неизбежно возникает приоритет дискурсивной и общеповеденческой формы — галантности (*galanterie*), т. е. комплекса правил, которые гарантируют всеобщее удовольствие друг от друга. Женские частные или салонные уроки как раз и прививали мужчинам мягкость и вежество: любовь оказывается способом воспитания мужчины, его вкуса и манеры, которые затем могут быть использованы им для преуспеяния при дворе. Кардинал де Рец свидетельствует в своих мемуарах о том, что многие дамы были буквально окружены учениками и такое «воспитание» воспринималось как вариант нормы и не компрометировало молодого человека: «Даже наслаждения свои я сообразовал с прочими своими поступками. Без любовной связи я обойтись не мог, но я завязал ее с молодой и кокетливой г-жой де Поммерё, а это не могло меня скомпрометировать: её всегда окружали молодые люди, которые не только бывали у неё в доме, но и вообще повсюду следовали за ней по пятам, так что открытые ухаживания других служили ширмой для моих собственных» [10, с. 29]. Именно женщины сыграли решающую роль в консолидации аристократического этоса и концептуализации его идентичности; дамы были призваны контролировать новое социальное пространство (нишу) — на полпути между официальной сферой двора и полностью приватной сферой дома. Галантный мужчина слушает даму, позволяя ей высказываться, он признает её лидирующие качества в хранении «вежества», обучается у неё в ассамблеях и с помощью полученного знания преуспевает в обществе. В конце XVII в. такой теоретик вежества, как Морван де Бельгард, утверждал, что посещение дам и женских салонов оказывается необходимым для мужчин с педагогической точки зрения, и разговоры с женщинами в салоне более действенны, нежели чтение специализированных книг: «Только навещая женщин, мы проникаемся этой светской аурой, той учтивостью, которые ни один совет и ни одна книга не могут предоставить» [11, с. 621]. Литератор Жиль Менаж скептически рассуждал о крахе маскулинных ценностей в конце XVII в. и рисовал карикатурный образ феминизированных, в результате почти превратившихся в женщин кавалеров: «Мы обнаруживаем их причёсывающимися, как женщины, приодеваемыми, и притом с такой непристойной изнеженностью, что нам уже кажется, что они уже не просто не являются мужчинами, но что они сами уже в поисках мужчин» [12, с. 176]. С ним солидарен и один из ранних просветителей Ш. Л. Монтескье, который взлёт галантности связывает с самосознанием французов и прежде всего со становлением аристократии, которая, отбросив практические дела, обладала избытком свободного времени: «Абсолютное правление производит праздность, а праздность порождает вежливость. Чем больше в народе людей, которые должны угождать и нравиться друг другу, тем более он вежлив» [13, с. 431]. При этом он снова подчёркивал значение женщин в становлении самосознания аристократов: «Общество женщин портит нравы и формирует вкус. Желание нравиться более, чем другие, порождает наряды, а желание нравиться более, чем можешь сам по себе, порождает моды» [13, с. 413]. Галантность, по Монтескье, это «отсрочка» мужских потребностей, препятствие, которое забирает время и свободу; главное следствие совместной общественной жизни мужчин и женщин, согласно Монтескье, — прогресс

национального «вежества»: при контакте с женщинами в условиях внутренне умиротворённых сообществ (салонов) мужчины обнаруживают себя перед необходимостью подвергнуть решительной ревизии свои животные инстинкты, обуздать грубость и насилие. Монархическая Франция оказалась той страной, где галантность достигла необыкновенных высот именно по причине аристократического безделья; по мнению Монтескье, в республиках такая модель отношений с женщинами не могла утвердиться по причине отсутствия социального пласта, у которого был бы такой резерв времени в виде досуга: «В монархиях женщины не отличаются скромностью, так как, будучи по условиям своего общественного положения призваны ко двору, они заражаются там духом вольного обращения, можно сказать, единственным, который там поощряется. Каждый стремится использовать их благосклонность и страсти в целях карьеры. И так как по свойственной им слабости гордость заменяется у них тщеславием, то роскошь всегда царствует вместе с ними» [13, с. 248].

Грибоедовская Москва оказывается ярким воплощением вполне классической аристократической идеи, популяризированной во Франции в XVII и первой половине XVIII вв. Высказывания Чацкого выдают в нём знатока культуры позднего Просвещения; он выражается так, как будто был внимательным читателем произведений Ж.-Ж. Руссо. Напомним, что в 1758 г. 46-летний Руссо, который, как мы помним, сам в юности брал «уроки» нежного воспитания от госпожи де Варанс, в «Письме д'Аламберу о зрелищах» саркастически фиксирует сложившийся порядок вещей, который и оказывается для него квинтэссенцией французской культуры, основанной на лицемерии и отдалении от природы. Для Руссо как раз именно галантность и мужское подчинение женщине оказываются неприемлемым отклонением от «естественного состояния»: «Рабски подчиняясь желаниям пола, которому нам следовало бы быть защитниками, а не слугами, мы научились, покорствуя ему, презирать его, оскорбляя своей насмешливой угодливостью; любая женщина Парижа собирает у себя в салоне целый сераль мужчин, более женственных, чем она сама, и умеющих оказывать всяческое поклонение красоте, кроме сердечного, которого она достойна. Но посмотрите на этих мужчин, вечно заключённых в добровольную тюрьму: встают, садятся, расхаживают взад и вперед, то подойдут к камину, то к окну, сто раз возьмут в руки экран и поставят его на место, перелистывают книгу, рассматривают картины, крушат, порхают по комнате, между тем как кумир, неподвижно покоясь в шезлонге, двигает только языком да глазами. Чем вызвана эта разница, как не тем, что природа, навязывая женщинам замкнутый образ жизни домоседки, предписывает мужчинам нечто совершенно противоположное, и такая непоседливость их вызвана подлинной потребностью? Если жители Востока, которых жара заставляет и без того достаточно потеть, малоподвижны и совсем не гуляют, то они хоть сидят под открытым небом и дышат полной грудью; а здешние женщины заботятся о том, чтобы их друзья задохнулись в уютных, плотно закрытых комнатах» [14, с. 146–147]. Последнее высказывание Руссо как нельзя лучше определяет состояние Платона Михайловича Горина, ставшего пажом собственной супруги и страдающего от вполне руссоистского ощущения ненормальности такого положения.

Московское общество, воплощением которого оказывается Молчалин, и Чацкий оказываются воспитанными на моделях классической французской культуры, однако на моделях принципиально разных. Противостояние Чацкого с его знаменитым вполне маскулинным «Я езжу к женщинам, да только не за этим» (т. е. не ради выпрашивания чинов) и Молчалина, который всю жизнь посвящает лестии и угодничеству (за исключением, правда, мелких проделок с Лизой), оказываются симптомом колоссальных

сдвигов, происходящих в аристократической культуре. Чацкий (и Грибоедов?) подвергает саркастическому осмеянию краеугольные принципы традиционной аристократической культуры — сами законы галантности, основанные на лицемерии и выражающиеся в противоестественном мужском подчинении женщине. Противоречия Чацкого и московского общества можно, таким образом, трактовать как несовпадение двух аристократических моделей поведения — классической галантной, основанной на «педагогической» любви и формирующей «покладистого» мужчину, «человека чести», для которого лицемерие и лесть оказываются не пороками, но симптомами благовоспитанности, и более «передовой» просвещенческой, базирующейся на концепте «естественного состояния» и «реабилитирующей» инстинкты и желания мужчины. Носителем последней идеологии как раз и предстаёт Александр Андреевич Чацкий, не понятый традиционной московской аристократией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Багратион-Мухранели И. Л.* Традиции фольклора в русской комедии начала XIX и начала XX века. Грибоедов. Эрдман // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 7 (109). С. 7–11.
- 2 *Грибоедов А. С.* Сочинения в стихах. Л.: Сов. писатель, 1967. 520 с.
- 3 *Грибоедов А. С.* Горе от ума. М.: Искусство, 1964. 124 с.
- 4 *Фомичев С. А.* Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума». Комментарий. М.: Просвещение, 1983. 208 с.
- 5 *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М.: Наука, 1968. 424 с.
- 6 *Sicler A.* La Chiromance royale et nouvelle. Paris: Daniel Gayet, 1667. 227 p.
- 7 *Salons littéraires du XVIIe siècle: Au temps des Précieuses.* Paris: BNF, 1968. 79 p.
- 8 *Lougee C. C.* Le Paradis des femmes: Womens, Salons, and Social Stratification in Seventeenth-Century France. Princeton: Princeton UP, 1976. 252 p.
- 9 *Неклюдова М. С.* Искусство частной жизни: Век Людовика XIV. М.: ОГИ, 2008. 440 с.
- 10 *Кардинал де Рец.* Мемуары. М.: Наука; Ладомир, 1997. 832 с.
- 11 *Morvan de Bellegarde J.-B.* Œuvres diverses. Vol. 2. Paris: Robustel, 1723. 243 p.
- 12 *Sarasin J. F.* Les Œuvres publiées par Ménage. Rouen; Paris: Augustin Courbé, 1658. 186 p.
- 13 *Монтескье Ш.* Избранные произведения. Москва: Гос. изд-во политической литературы, 1955. 800 с.
- 14 *Руссо Ж.-Ж.* Избранные сочинения. М.: Гослитиздат, 1961. Т. 1. 852 с.

***

Andrey V. Golubkov,
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Povarskaya St., 25 a, 121069 Moscow, Russia

MOLCHALIN VS CHATSKY: FRENCH GALLANT TRADITION AND ITS CRITICS IN A. GRIBOYEDOV'S COMEDY "WOE FROM WIT"

Abstract: The issue of ideological and cultural background of the confrontation between Chatsky and Molchalin — two main characters of A. Griboedov's play "Woe from Wit" — began to attract researchers' interest as early as XIX century. The behavior of Moscow aristocracy, personified by low-born Molchalin, is based on standards developed by classical French gallant culture of XVIIth and XVIIIth centuries, marked by the concepts of "gentleness," "politeness," "courtesy." Ideal masculine behavior in Moscow is based on the necessity of submission to women, portrayed as being invested with almost absolute power. Manners of Chatsky, recently come back from Europe, and his relations with women, demonstrate his adherence to a more recent patriarchal concept of Rousseauesque "state of nature," intrinsic to the late Enlightenment culture. It confronts women's dominance as unnatural deviation from the principles of nature. The conflict between Chatsky and Molchalin becomes symptomatic of a deeper opposition of models and value systems within aristocratic culture.

Keywords: Alexander Griboedov, power of the women, French aristocratic culture, elegance/gallantry, The Enlightenment.

Received: August 05, 2016

Information about the author: Andrey V. Golubkov — PhD in Philology, Senior researcher of Department of Classic Western literatures and comparative studies, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. E-mail: andreygolubkov@mail.ru

REFERENCES

- 1 Bagration-Mukhraneli I. L. Traditsii fol'klora v russkoi komedii nachala XIX i nachala XX veka. Griboedov. Erdman [Traditions of folklore in Russian comedy in the beginning of the XIXth and early XXth century. Griboedov. Erdman]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 2011, no 7 (109), pp. 7–11. (In Russ.).
- 2 Griboedov A. S. *Sochineniia v stikhakh* [Writings in verse]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1967. 520 p. (In Russ.).
- 3 Griboedov A. S. *Gore ot uma* [Woe from Wit]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1964. 124 p. (In Russ.).
- 4 Fomichev S.A. *Komediia A. S. Griboedova "Gore ot uma". Kommentarii* [Griboedov's comedy "Woe from Wit." Comments]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1983. 208 p. (In Russ.).
- 5 Tynianov Iu. N. *Pushkin i ego sovremenniki* [Pushkin and his contemporaries]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 424 p. (In Russ.).
- 6 Sicler A. *La Chiromance royale et nouvelle*. Paris, Daniel Gayet, 1667. 227 p. (In French)

- 7 *Salons littéraires du XVIIe siècle: Au temps des Précieuses*. Paris, BNF, 1968. 79 p. (In French)
- 8 Lougee C. C. *Le Paradis des femmes: Womens, Salons, and Social Stratification in Seventeenth-Century France*. Princeton, Princeton UP, 1976. 252 p. (In English)
- 9 Nekliudova M.S. *Iskusstvo chastnoi zhizni: Vek Liudovika XIV* [The art of private life. The age of Louis XIV]. Moscow, OGI Publ., 2008, 440 p. (In Russ.)
- 10 Kardinal de Rets. *Memuary* [Memoirs]. Moscow, Nauka, Ladomir Publ., 1997. 832 p. (In Russ.)
- 11 Morvan de Bellegarde J.-B. *Œuvres diverses*. Vol. 2. Paris, Robustel, 1723. 243 p. (In French)
- 12 Sarasin J. F. *Les Œuvres publiées par Ménage*. Rouen; Paris, A. Courbé, 1658. 186 p. (In French)
- 13 Montesk'e Sh. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1955. 800 p. (In Russ.)
- 14 Russo Zh. Zh. *Izbrannye sochineniia* [Selected writings]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1961. Vol. 1. 852 p. (In Russ.)